

Легенда о польском князе-язычнике Попеле и ее христианская интерпретация в «Великом Зерцале»

«Великое Зерцало» — популярный средневековый памятник, переведенный на русский язык с польского в последней четверти XVIII в. Польский источник восходит к широко распространенному в Европе латинскому сборнику «*Speculum eхemploгum ex diversis libris in unum laboriose collectum*» («Зерцало примеров, собранных со тщанием из разных книг воедино»), впервые напечатанному в Нидерландах в 1481 г. Этот сборник примеров для проповедников был составлен из сочинений разных авторов. Исследователь «Великого Зерцала» П.В. Владимиров отмечает, что иезуит Симон Высоцкий, автор польского варианта «*Speculum*» «*Wielkie zwierciadło przykładów*» (Краков, 1612 г.), исключил часть «примеров» и заменил их рассказами из польской жизни, иногда устного происхождения¹.

Древнерусские редакторы «Великого Зерцала» сохранили рубрику «Мужеубийство» польского оригинала, в которую в русском переводе входит одна повесть о Попеле. Мы рассмотрим текст этой повести в сборнике Синодального собрания ГИМ № 100 (первая половина XVII в.), который исследователями считается наиболее близким к польскому оригиналу². Сборник Великое Зерцало существует только в рукописном виде, поэтому приводим текст повести целиком.

За мужеубийство Попеля, князя полскаго,
с женою и детми мыши съядоша

Попель младший прием власть по смерти отца своего согласною волею сродников своих и судей начальнойших всѣх, но занеже еще бысть млад для лучшаго разсуждения приставиша к нему неких от сродник его, даже бы пришел в мѣру возраста и в лѣта, вняже бы сам возмогл владѣти. Егда же уже исхождаше из дѣтства, а сей мир есть приклонен ко своей воли, дорос всякаго безчинства, нехотяше престати на совѣте сродник своих, с сверстники своими паче начат совѣтовати, начат творити пирования, упиватися с тѣми же сверстники своими. И се отнюд злѣ и безбожно начать жити. Тогда совокупиша его браком с дѣвицею зѣло прекрасною чающе, яко жена начнет его отвращати от зла и наставляти на благое, но жребий инако паде, ибо той ничто же от злых оставив, но еще в горшая пришед, и по-

¹ См.: Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3. СПб., 1992. С. 165.

² См.: Владимиров П.В. Великое Зерцало: Из истории русской переводной литературы XVII в. М., 1884. С. 38.

пущением жены злѣйшии еще бысть: в сребролюбие впаде, суды, достоинства и прочия предаяше, судов и правды отста. И просто рещи, на вся злая приклонися. Егда же добродѣтелию и достоинством неможаше на всякий день грѣхи прилагаше на ся, мучительством свою власть умысли соблюдати и хотяше, дабы его свои страшилися, понеже любви не бысть достоин. Сие же все творяше за поущением жены своея, сия обогатився и возгнуша мужним безумством, лестию же женскою все царство влече за собою, наипаче же сего ради, яко имѣяше двоих сынов, Леха, Попеля, мужнее же достоинство и любовь связано имѣяше. И тако себѣ обѣщаше, яко царством вѣчно имѣяше владѣти. Един камень на пути возмнися быти вредящий, а той бысть стрья мужа своего благоприятство и постоянство во всѣх ради добродѣтелей его постоянство и мудрости их сих бояшеся. Сих и ласкателными словесы наказующих и претящих в ненависти имѣяше. И тако мужу своему наипаче оклеветоваше, умысли различныя наня клеветы и напраснства и сие глаголаше: «Сии яко дондеже живи и здрави, то царства своего от них лишишися, его же ты хощещи держати и дѣтем своим оставити, тѣх же конечно потреба погубити и искоренити. А аще ли стoliko не разъяришися ти самый, то споруци мнѣ», — глаголет окаянная, — «Аз же — глаголет — сотворю без всякаго смятения, тако, яко ни един же человек от граждан увестъ ниже помыслит». Еже изрекши, скоро легко помышление мужа на свою мтрану обрати, нача же умышленное дѣло. Умысли тяжкую и к смерти приближающую болѣзнь князь оный, стрьев же, на смерть осужденных, повелѣ призвати жена. Тии же скоростно придоша, стояще с жалостию около одра княжскаго и утѣшающе его, плакахуся. Той же князь конечно повѣдаше смерть свою и того ради начат вручати жену свою и малыя дѣтища. Полн град плача и рыдания женска. Князь же стрьев яко уже умираше, всякого своим именем нарицаше во зная любви, чашу уготованную со отравою, повелѣ подати. Сам же токмо пѣну продме, уст своих не омочив, пода им на добрую ночь пити. Егда же вси по чину пияху, притворно рече, яко хошет спати, и сон обьят его. Они же честно поздравствовавшие того, отидоша. Егда же отравя обьят их нутр, падше помроша. Жена же чрез тайных неких извѣстився, тела их не погребающе повелѣ вон изврещи, нарицаше я лукавыми и врагами, понеже помышляху о смерти княжстѣй, праведным и явственным судом Божиим, безсмертным и мстителным, погибоша, огласи окаянная. Но аще и явно бысть, яко на тѣлех, якоже и внутрен-

них, яко отравлении, обаче за боязнь мучительницы ни един же противо сего глаголати дерзаше, но Праведный Господь Бог не хотяше без наказания толико великого прогнѣвания престола Своего оставити, ибо от тѣх оных гнилых родишася мыши невидимыя великости премножество и безбожнаго мужеубийцу со окаянною женою и с дѣтми утекающаго по езерах уже по вежах уже повелѣ огнем около себе опаляти, вездѣ его гоняху, ниже грады что помогоша, ниже отгоняющих слуг помощь что може. И им же их болѣе убиваху, тѣм болѣе умножахуся и родяхуся тако, егда уже на конец ни кий же совѣт, ниже кая сила защитити того можаше. Егда уже вси отбѣгоша, тогда мыши прежде поядоша дѣтей, посем жену, посем же самого окаяннаго. И тако явишася отца его брань, или лаяния, егда себѣ и другим глаголаше: «Бог дай мене мыши съѣли или Бог дай тя мыши съѣли»³.

Легендарная нравоучительная повесть из польской истории «За мужеубийство Попеля, князя Польскаго, со женою и детьми мыши изьядоша» попала в «Wielkie zwierciadło przykładów» из польских хроник XII–XIII вв. (на латинском языке). Ее источник находим уже у Галла Анонима, в его «Хронике и деяниях князей или правителей польских» («Chronica et gesta ducum sive principum polonorum») – первой из известных польских хроник, созданной около 1113–1115 гг. при дворе Болеслава III Кривоустого (1086–1138), которая охватывает польскую историю от древнейших времен до 1113 г. «Образцом ему служили раннесредневековые западноевропейские латинские династические хроники Исидора Севильского и Беды Достопочтенного... Автор собрал хранимые придворной традицией устные легенды и пересказы о Пястовской династии, придал им форму биографической повести... переложил на латинский язык, сохранив таким образом для потомков»⁴. Вот как история о Попеле, князе Польском, представлена Галлом Анонимом:

Князь Земовитский, сын Пяста, по имени Земовит

...Земовит, сын Пяста, внук Котышко, рос, мужал и с каждым днем выказывал свое благородство до такой степени, что Царь царей и Князь князей [Бог] ко всеобщей радости назначил его князем Польши и совершенно изгнал из королевства Попеля со всем его потомством. Глубокие старцы даже рассказывают,

³ ГИМ, Синод. собр., 100, л. 242–244.

⁴ *Щавелева Н.И.* Польские латиноязычные средневековые источники: Тексты, перевод, комментарий. М., 1990. С. 34.

что этого самого Попеля, изгнанного из княжества, до такой степени преследовали мыши, что его сторонники отправили его на остров и поместили там в деревянной башне, где он долго оборонялся от этих отвратительных зверьков, следовавших за ним на остров. И, наконец, покинутый всеми из-за зловония, исходившего от убитых мышей, искусанный ими, он умер позорной смертью. Но не будем вспоминать о делах тех, память о которых постигло забвение и которых опозорили идолопоклонство и заблуждения, и перейдем, называя имена, к краткому рассказу о том, о чем сохранилось достоверное воспоминание. Земовит же, достигнув княжеской власти, проводил свою молодость не в удовольствиях и забавах, а в трудах и походах и приобрел славу за свое благородство и расширил границы своего княжества дальше, чем кто-либо до него...⁵

«Великопольская хроника» («Chronica magna seu longa polonorum seu lechitarum»), известная в списках XIV в. и основанная на сочинении Галла Анонима и «Польской хронике» Винценция Кадлубека (ок. 1150–1223), помещает в главе 6 историю о Помпилиуше Втором, сюжет которой уже полностью совпадает с тем, что представлен в «Великом Зерцале»⁶. «Кадлубек явно воспользовался уроком западно-европейских — прежде всего французских и английских — историографов, искавших истоки своих народов в памятниках античности и Ветхом Завете. Глубокое прошлое Польши „восполняется“ или подменяется древними преданиями, фольклором, равно как и созданными на их основе творениями средневековых эрудитов — например о князе Попеле из Крушвиц, съеденном мышами», — писал в «Истории польской литературы А.В. Липатов»⁷.

Цель создания «Великого Зерцала», как и других многочисленных средневековых сборников примеров для проповедников, предполагала включение произведений нравоучительного «душеполезного» направления, что и является жанровой особенностью притчи. История наказания Попеля и его семьи за грех убийства родственников с целью завоевания полноты власти — главная идея повести. Борьба за власть

⁵ Галл Аноним. Хроника и деяния князей или правителей польских. Chronica et gesta ducum sive principum polonorum. Кн. 1. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus9/Gall/frametext1.htm>.

⁶ «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI–XIII вв. (перевод и комментарии) / Под ред. В.Л. Янина; сост. Л.М. Попова, Н.И. Щавелева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987.

⁷ Липатов А.В. История польской литературы // История всемирной литературы: В 9 т. Т. 2. М.: Наука, 1984. С. 403.

всеми доступными способами характерна не только для Средневековья, это вечная тема, но в повести о Попеле она подвергается нравственной оценке, делая языческого князя отрицательным персонажем с целью нагляднее объяснить читателю преимущество христианской морали и необходимость прихода к власти династии князей-христиан, что исторически и произошло в Польше уже в X в.

«Великое Зерцало» – энциклопедия средневековых сюжетов, многие из которых уже были хорошо знакомы русскому читателю, пользовалось большой популярностью и известны во множестве списков. Мотивы злой жены, ложной болезни, отравления родственников, недостойного погребения (смерть без погребения), мышей как символа наказания Господня присутствуют и в других повестях сборника. Злая жена Попеля подчинила себе безвольного мужа «сего ради, яко имѣяше двоих сынов, Леха, Попеля, мужнее же достоинство и любовь связано имѣяше. И тако себѣ обѣщаще, яко царством вѣчно имѣяше владѣти». Здесь обозначена главная причина той борьбы за власть, которую взяла на себя героиня повести — женщина решительная и хитрая. Исторические предания говорят о том, что женой Попеля II была алеманская принцесса, которая вполне могла быть дочерью Людовика II Немецкого, всю свою жизнь боровшегося за престол со своим отцом и братьями⁸. «Окаянная» жена говорит мужу: «аще толико не разъяришися ты сам, то споруци мне. Аз же сотворю без всякаго смятения». Жена Попеля — «баба окаянная», «мучительница» — одна из многочисленных героинь повестей «Великого Зерцала», про которых говорится: «прелесть, чесо бо началник злобы всякия, диавол, во многих образех не можаше сотворити, сия вкратце сотвори»⁹.

Главным героям-злодеям в повести противостоят дядя Попеля — «Един камень на пути возмнися быти вредящий, а той бысть стрья мужа своего благоприятство и постоянство во всѣх ради добродѣтелей его постоянство и мудрости их сих бояшешя». Мудрые и добродетельные сродники умирают от яда, но их непогребенные тела становятся местом зарождения гигантских мышей. Мыши как символ наказания Господня — притчевый элемент повести, который подводит читателя к выводу о неизбежности воздаяния за грехи. В этой роли мыши присутствуют и в других повестях «Великого Зерцала».

⁸ Все монархии мира. [Электронный ресурс]. URL: http://www.allmonarchs.net/poland/popiel_ii.html.

⁹ «Вражду сеющи между мужем и женою диаволом восхищена бысть и в пропасть ввержена» // Великое Зерцало. Синод. собр., 101, л. 328 об.

«Притча — это малый повествовательный жанр, в котором абстрагированное обобщение носит назидательный характер и моральное или религиозное наставление»¹⁰, именно такими небольшими назидательными повестями наполнены сборники примеров для иезуитов-проповедников. Сюжет о съедении мышами грешника был очень популярен в средневековой Европе, где сосуществовали разные традиции отношения к мышам. По одной из них, согласно распространенному суевию, душа умершего в виде мыши первую ночь свою проводит со святой Гертрудой, вторую со святым Михаилом, а третью уже там, где ей суждено пребывать¹¹. Святая Гертруда Нивельская (VII в.) считалась покровительницей странствующих душ, именно она давала им пристанище в начале их долгого путешествия. На протяжении всей своей недолгой жизни Гертруда молилась о душах, томящихся в чистилище, их символизировали фигурки мышей и крыс, с которыми ее обычно изображают. Впоследствии святая Гертруда стала считаться заступницей от нашествий этих грызунов и даже покровительницей кошек, на иконах изображалась с мышами, а в более поздней иконографии — с мышами и кошками. Святая Гертруда почитается и в наше время в таких европейских странах, как Нидерланды, Германия, Испания.

В соответствии с этой традицией, души отравленных Попелем родственников и есть те самые огромные мыши, которые осуществили возмездие Божие: «Праведный Господь Бог не хотяше без наказания толико великого прогнѣвания престола Своего оставити, ибо от тѣх оных гнилых родишася мыши невидимыя великости премножество и безбожнаго мужеубийцу со окаянною женою и с дѣтми утекающаго по езерах уже по вежах уже повелѣ огнем около себе опаляти, вездѣ его гоняху».

Сходный сюжет о грешнике, съеденном мышами, воплощающими души погубленных людей, представлен в многочисленных средневековых легендах, например, в легенде о епископе Гоппо¹², приказавшем сжечь бедный люд в амбаре во время голода. Легенда послужила источником вирш Симеона Полоцкого («Казнь за сожжение нищих»), а в XIX в. — баллады Жуковского, сделавшего вольный перевод баллады

¹⁰ Прокофьев Н.И. Древнерусские притчи и их место в жанровой системе литературы русского средневековья // Литература Древней Руси. М., 1988. С. 6.

¹¹ Житие св. Гертруды // Православная энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravenc.ru/text/164883.html>.

¹² Гаттон II, архиепископ Майнцский, X в.

Роберта Саути (R. Southey) «God's judgment on a bischop», опубликованной в 1799 г.¹³:

...Пал на колени епископ и криком
Бога зовет в иступлении диком.
Воет преступник... а мыши плывут...
Ближе и ближе... доплыли... ползут.
Вот уж ему в расстоянии близком
Слышно, как лезут с роптаньем и писком;
Слышно, как стену их лапки скребут;
Слышно, как камень их зубы грызут.
Вдруг ворвались неизбежные звери;
Сыплются градом сквозь окна, сквозь двери,
Спереди, сзади, с боков, с высоты...
Что тут, епископ, почувствовал ты?
Зубы об камни они наострили,
Грешнику в кости их жадно впустили,
Весь по суставам раздернут был он...
Так был наказан епископ Гаттон¹⁴.

Английский священник Сабин Бэринг-Гулд (Sabine Baring-Gould, 1834–1924), писатель, агиограф и этнограф, известный публикацией народных легенд и песен, в своей книге «Мифы и легенды Средневековья» в главе «Епископ Гатто» приводит еще несколько аналогичных примеров, связанных с историческими лицами, память о которых сохранилась благодаря легенде: «история Видерольфа, епископа Страсбургского (997), который на семнадцатом году своего правления, 17 июля понес Божью кару за то, что уничтожил монастырь Зельцен на Рейне: его съели мыши или крысы. Такая же судьба, по другим сведениям, постигла Адольфа, епископа Кельнского, умершего в 1112 году»; «В Швейцарии барон фон Гюттинген выстроил три замка между Констанцем и Арбоном, в кантоне Тургау, и назвал их Гюттинген, Мосбург и Обербург. Во время голода он собрал всех бедняков, проживавших в его владениях, в большой амбар и поджег его. На крики несчастных он только смеялся: „Послушайте-ка, как пищат эти мыши и крысы!“ Вскоре после этого, будучи атакован полчищами мышей, он попытался добраться по Боденскому озеру до замка Гюттинген и укрыться там, но грызуны последовали за ним и сожрали его. Когда это случилось, замок ушел под воду; развалины его можно видеть и сей-

¹³ Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 3. М., 2008. С. 409–411.

¹⁴ Там же. С. 178.

час, если воды озера чисты и спокойны. В Австрии такое предание рассказывают о мышинной башне в Хользельстере, с той лишь разницей, что в местном варианте легенды бессердечный представитель знати не сжигает бедняков, а запирает в темнице и предаёт голодной смерти»; «Между баварскими городами Иннингом и Зефельдом расположено озеро Вертзее, которое также называют Мышиным озером. Когда-то давным-давно в этих краях жил граф Зефельд; во время голода он заключил истощенных бедняков в темницу, посмеявшись над их воплями, которые он назвал мышинным писком, и уморил голодом, за что и был впоследствии съеден вышеназванными животными в своей башне на озере, несмотря на то что для безопасности подвесил свое ложе на железных цепях к потолку»; «Такую же легенду рассказывают о Мышином замке на озере Хиршбергер»¹⁵.

Наша повесть о польском князе Попеле имеет другой сюжет, в ней осуждается «мужеубийство» родственников с целью упрочения своей власти, но она сродни многочисленным средневековым легендам, которые также в основе своей не имели никакого отношения к конкретным историческим деятелям. Автору повести важно было включить повествование в существующую легендарную традицию, которую европейский читатель и слушатель прекрасно знал. Христианский проповедник использовал повесть как пример неизбежного наказания языческого князя. Эта история, созданная на основе исторических легенд и включенная в польское издание «Великого Зерцала», была очень кстати для отрицательной характеристики языческого прошлого.

В иезуитских латинских сборниках примеров (*exempla*), которые католические священники использовали в своих проповедях, в финале присутствует *moralityés* — моральное толкование, нравоучительный итог, назидание. В соответствии с этой традицией в повести о Попеле моральное толкование заключено в последней фразе рассказчика: «И тако явишася отца его брань, или лаяния, егда себѣ и другим глаголаше: „Бог дай мене мыши съѣли или Бог дай тя мыши съѣли“». В.П. Владимиров считает, что «оттуда и пошли пословицы: дай Бог, чтоб меня мыши съели, или чтоб тебя мыши съели»¹⁶. Нам бы хотелось отметить, что ко времени создания повести поговорка о съеденных мышами грешниках, вероятнее всего, уже существовала (тому доказательство — многочисленные истории о съеденных мышами

¹⁵ Баринг-Гоулд С. Мифы и легенды Средневековья. Гл. 18: Епископ Гатто. [Электронный ресурс]. URL: www.nnre.ru/istorija/mify_i_legendy_srednevekovja/index.php.

¹⁶ Владимиров П.В. Великое Зерцало: Из истории русской переводной литературы XVII в. М., 1884. С. 31.

епископах XI–XII вв.), а отсылка к народному изречению, поговорке — некая объединяющая нить между словом проповедника и прихожанами, в сознании которых жили старинные легенды и предания.

История польского князя, съеденного мышами, в фольклорном варианте существует до сих пор, она популярна, ее рассказывают туристам в современном польском городе Крушвица Куявско-Поморского воеводства, где сохранилась до нашего времени так называемая «Мышиная башня», которую местное предание связывает с легендарным Попелем. Эта легенда гласит:

Когда-то давно, в этом городе сидел легендарный польский князь Попел, избранный на княжение старейшинами рода, на время, пока не подрастет его малолетний племянник. Изначально же он был бедняком, и с трудом зарабатывал на хлеб тем, что выжигал золу (попель) в окрестных лесах. Жена его Герда, была родом из немцев, и в прошлом ходила рабыней. Попел же был слабохарактерен, и от такой чести у него закружилась голова, да и жена его постоянно науськивала сделать что-нибудь плохое. Однажды, когда срок его княжения подходил к исходу, то он, задумав прибрать всю власть к своим рукам, поехал на капище за пророчеством от богов. И предсказали ему жрецы, что тот завладеет властью только обманом и коварством, но после этого примет смерть от мышей... Ну и что, подумал тогда Попел, как это возможно, чтобы такой маленький зверек, как мышь, был опасен? Надо сказать, что в своем правлении Попел был крайне деспотичен, непокорных он жестоко карал, даже родственников не щадил. Придя домой, Попел пригласил всех старейшин рода и сказал племяннику, чтобы тот разлил гостям меда, в который его жена Герда предварительно добавила яд. Все старейшины были умерщвлены, и Попел утром обвинил своего племянника в том, что это тот всех отравил, а затем и казнил его, став единоличным правителем. Но предсказание после этого события необъяснимым образом стало сбываться: в замок, где жил Попел, стали приходиться мыши, тысячи мышей. Князь пробовал с ними бороться, но вместо одной убитой мыши появлялись две живые. Тогда князь решил укрыться в башне на острове, в надежде, что мыши туда не доберутся. Однако... там-то мыши его и съели. Спустя некоторое время, один парень плавал на этот остров в ту башню, где должен был укрываться от мышей Попел, но вернулся оттуда лишь с одной радостной новостью — «В башне только мыши, посмотрите, что осталось от Попея!» и поднял княжескую корону, которую держал в руке. Так был наказан гордый, коварный и злой князь за жестокие

убийства и причинение боли людям. А народ вместо не оправдавшего надежд Попеля выбрал князем колесника Пяста, человека честного и доброго¹⁷.

По мотивам этой легенды польским писателем Юзефом Крашевским был создан роман «Старое предание. Роман из жизни IX века» (1876), на основе которого польский режиссер Ежи Гофман в 2003 г. снял фильм «Старинное предание: Когда Солнце было Богом» («Stara baśń: Kiedy słońce było bogiem»).

Рассмотренный нами средневековый легендарный сюжет отмечен многими притчевыми элементами, в основе которых христианская мораль и назидание, что и дало этой народной легенде, а вслед за ней и средневековой повести долгую жизнь в литературе и в фольклоре.

¹⁷ Легенда о том, как мыши съели злого князя Попела. [Электронный ресурс]. URL: <http://otvet.mail.ru/question/27572849>.